

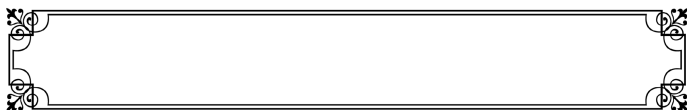
**РЭИ
БРЭД
БЕРИ**

РЭИ БРЭДБЕРИ

ЛЕКАРСТВО
ОТ МЕЛАНХОЛИИ

*Посвящается моему Папе, чья
любовь застала врасплох его весьма
великовозрастного сына.*

*И Бернарду Беренсону,
и Ники Мариано,
которые подарили мне новый мир*

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

Водин прекрасный летний полдень Джордж и Алиса Смит сошли с поезда в Биаррице, а спустя час выбежали из отеля на пляж, бросились в океан и вылезли из воды, чтобы подрумяниться на песочке.

Глядя на Джорджа Смита, распростертого на солнцепеке, можно было подумать, что он всего лишь турист, доставленный в Европу свежим, словно замороженный салат, и не собирающийся задерживаться здесь надолго. На самом же деле это был человек, больше жизни ценивший искусство.

— А-ах... — крикнул Джордж Смит.

По его груди скатилась очередная унция пота. Вот выпарю из себя водопроводную влагу штата Огайо, думал он, потом пропитаюсь лучшим «бордо». Пусть кровь насытится букетом французских вин, чтобы смотреть на мир глазами здешних людей.

Зачем? Зачем вдыхать, вкушать, пить все французское? Неужели для того, чтобы со вре-

менем проникнуться гениальностью всего лишь одного человека?

Его губы зашевелились, произнося некое имя.

— Джордж? — Тень жены нависла над ним. — Я догадываюсь, о ком ты думаешь. Читаю по губам.

Он лежал, не шелохнувшись, и ждал.

— О ком же?

— О Пикассо, — сказала она.

Его передернуло. Когда-нибудь она научится правильно произносить это имя.

— Прощу тебя, — молвила она. — Успокойся. Я знаю, что утром тебя взбудоражили кое-какие слухи, но ты бы видел, что творится с твоими глазами. У тебя опять нервный тик. Допустим, Пикассо на побережье в нескольких милях отсюда, гостит у друзей в рыбацком поселке. Но тебе лучше на этом не заикливаться, не то весь отпуск насмарку.

— Лучше бы эти слухи до меня не доходили, — честно признался он.

— Вот если бы тебе нравились другие художники! — сказала она.

Другие? Да, есть и другие. Он мог бы отменно позавтракать золотистыми, как осень, грушами и черными, как ночь, сливами из натюрмортов Караваджо. Пообедать пышущими жаром подсолнухами Ван-Гога с лепестками как жирные гусеницы. Незрячий человек мог бы «прочитать» эти цветы, пробежав пальцами по пылающему холсту, и обжечься. А истинное пиршество? Для каких картин он берег свой аппетит? Для кого же, если не для создателя «Девушки перед зеркалом»

и «Герники», который, заслонив горизонт, словно восставший Нептун, увенчанный водорослями, алебастром и кораллами, стиснув кисти подобно трезубцам в когтистых пальцах, исполинским китовым хвостом способен обрушить летний ливень на весь Гибралтар?

— Алиса, — проговорил он терпеливо, — как бы это объяснить? В поезде я думал: бог мой, весь этот край — страна Пикассо!

Но так ли это на самом деле? — недоумевал он. Небо, земля, люди, багровый кирпич, балконы из витого вороненого железа, мандолина — перезревший плод в руках человека, захватанный тысячами прикосновений, лохмотья рекламных щитов, развевающиеся, как серпантин, на ночных ветрах — сколько в этом было от Пикассо, а сколько от Джорджа Смита, созерцающего мир горящими глазами Пикассо? Он уже отчаялся найти ответ. Старик Пикассо так основательно пропитал Джорджа Смита скипидаром и льняным маслом, что они определили его бытие: Голубой период в сумерках, Розовый период на заре.

— Я думаю, — сказал он вслух, — вот если бы мы поднакопили денег...

— Нам в жизни не накопить пять тысяч долларов.

— Знаю, — тихо проговорил он. — Но меня согревает мысль, что когда-нибудь они у нас появятся. Как было бы здорово просто подойти к нему и сказать: «Пабло, вот тебе пять тысяч долларов! Одари и осчастливь нас морем, песками, небесами, да чем угодно...»

Спустя мгновение Алиса коснулась его плеча.

— Тебе, пожалуй, не мешало бы окунуться, — посоветовала она.

— Да, — согласился он, — именно это мне сейчас и нужно.

Когда он врезался в воду, взметнулось белое пламя волн.

Всю вторую половину дня Джордж Смит то выходил из океана, то возвращался туда вновь, поднимая фонтаны брызг широченными взмахами; подобно тем людям, которым то жарко, то холодно и которые, к закату солнца раскрасневшись как омары, поджаристые цыплята и цесарки, плетутся в свой отель, смахивающий на свадебный торт.

На пляже на многие мили никого не осталось за исключением двух человек. Одним оказался Джордж Смит с полотенцем через плечо, который вышел поплескаться напоследок.

Вдалеке по безмятежному берегу в одиночестве шагал другой мужчина, пониже ростом, угловатый, сильно загоревший. На солнце его стриженная ежиком голова приобрела оттенок красного дерева. А ясные глаза блестели как вода.

Итак, сцена на берегу подготовлена, и через пару минут этим двоим суждено встретиться. Судьба уже приготовила чаши весов для потрясений и неожиданностей, явлений и исчезновений. Но ни один не догадывался о случайном стечении обстоятельств, способном подстеречь каждого — в любом городе, в любой толпе, словно бурная река, которую невозможно перейти вброд. Не догадывались они и о том, что река эта полна

чудесами, и, если запустить туда руки, чудо можно поймать. Как большинство людей, они отметили подобную блажь и держались на расстоянии, чтобы Судьба не столкнула их с берега.

Незнакомец стоял в одиночестве. Осмотревшись, он понял, что поблизости никого нет, увидел великолепную гладь залива, солнце, подсвечивающее краски уходящего дня, и краем глаза заметил щепку на песке. Оказалось, это палочка от давно растаявшего эскимо. С улыбкой он подобрал ее. Вновь оглядевшись и, дабы удостовериться, что совсем один, он присел и, бережно сжимая щепку, легкими росчерками принялся делать то, что умел лучше всего на свете.

Начал рисовать на песке фантастические фигуры.

Набросал одну фигуру, затем, не поднимая глаз, полностью увлеченный работой, перешел к другой, третьей, четвертой, пятой, шестой.

Джордж Смит, отпечатывая следы на береговой линии, озирался по сторонам и тут приметил впереди склонившегося загорелого человека. Подойдя ближе, Смит понял, чем тот занят, и усмехнулся. Ну да, конечно... Человек на пляже, в одиночестве... Сколько ему? Шестьдесят пять? Семьдесят? Бороздит каракули, закорючки, взметая песок во все стороны! Как дерзко вырисовываются портреты на берегу! Как...

Джордж Смит сделал еще один шаг и встал как вкопанный.

Незнакомец рисовал и рисовал, казалось, не обращая внимания ни на присутствие другого че-

ловека за спиной, ни на целый рисованный мир на песке. Его настолько поглотило творчество, что и разрывы глубинных бомб в бухте не оставили бы его порхающую руку и не заставили бы оглянуться.

Джордж Смит взглянул на песок. И после долгого созерцания его охватил трепет.

На плоском берегу простирались изображения греческих львов, средиземноморских козлиц и дев, воплощенных в золотом песке, сатиров, дудящих в самодельные деревянные свирели, пляшущей детворы, разбрасывающей цветы по пляжу, и резвящихся агнцев; музыкантов, перебирающих струны арф и лир, единорогов, состязающихся в беге с юношами на далеких лугах; лесов, вулканов и разрушенных храмов. Непрерывной линией вдоль берега рука этого согбенного человека, державшая деревянное стило, в экстазе и в поту чертила, полосовала, петляла вверх-вниз, вбок и наизнанку, вышивала. Он шептал, замирал, затем пускался вскачь, словно сия бродячая вакханалия должна была подойти к концу до того, как море погасит солнце. На двадцать-тридцать, а то и больше ярдов раскручивались свитки с письменами, нимфами, дриадами и летними фонтанами. Свет угасающего дня залил расплавленной медью песок с посланием, высеченным на все времена, которое мог бы с наслаждением прочитать кто и когда угодно. Все, что взметнулось ввысь, — застыло, обретя равновесие. Вот, пританцовывая, дочери виноделов ступнями, окровавленными виноградом,

выдавливают вино. Вот чешуйчатые чудовища — порождения морских испарений, вот воздушные змеи в гирляндах цветов источают благоухание в летучих облаках... вот... вот... вот...

Художник замер.

Джордж Смит сделал шаг назад.

Художник взглянул вверх и удивился, обнаружив поблизости постороннего. Потом он встал, взглянул на Джорджа Смита, затем на свои творения, которыми пляж был испещрен, будто отпечатками ступней празднующихся. Наконец улыбнулся и пожал плечами, словно хотел сказать: «Смотрите, что я натворил; видите, какое ребячество? Вы уж простите меня. Иногда всем нам хочется подурачиться... Может, и вам попробовать? Нет? Ну тогда позвольте старому дуралею, а? Вот и хорошо!»

Но Джордж Смит был способен лишь смотреть на загорелого коротышку с ясным острым взглядом и единожды прошептать его имя, про себя.

Так они простояли секунд пять: Джордж Смит, уставившись на гравированный песок, и изумленный художник, с любопытством разглядывая Джорджа Смита. Джордж Смит раскрыл было рот — и тут же закрыл, протянул руку — и тут же отдернул. Шагнул было к картинам — и отпрянул. Потом зашагал вдоль изображений, словно то была вереница выброшенных на берег драгоценных мраморных осколков древних развалин. Он смотрел немигающим взглядом. Его рука жаждала прикоснуться, но не посмела. Ему хотелось броситься прочь, но он остался.

Вдруг ему на глаза попался отель. Бежать! Именно! Бежать! Что? Взяться за лопату, выкопать, спасти хоть пласт рассыпающегося песка. Разыскать ремонтника, срочно привести его сюда, чтобы залить гипсом хотя бы крошечный хрупкий фрагмент? Нет, нет. Какая глупость, глупость. А может?.. Его взгляд скользнул по окну гостиничного номера. Побежать за фотоаппаратом! Вернуться на берег и шелкать, шелкать кассету за кассетой, пока...

Джордж Смит резко обернулся, чтобы взглянуть на солнце. Оно бросило слабый отсвет на его лицо — и в его глазах засиял огонь. Солнце, наполовину погруженное в океан, за несколько мгновений исчезло под водой.

Художник приблизился и смотрел на Джорджа Смита очень дружелюбно, словно читая его мысли. Вот он слегка кивает, вот случайно выронил палочку от мороженого. Вот желает спокойной ночи. Спокойной ночи! Вот он уходит, удаляясь в сторону юга, по кромке воды.

Джордж Смит стоял, глядя ему вслед. Спустя минуту он совершил то единственное, что ему оставалось, а именно медленно прошагал вдоль берега от самого начала фантастической картины с фавнами, сатирами, утопающими в вине девами, гарцующими единорогами и трубящими юнцами. Он проделал долгий путь, всматриваясь, как непринужденно раскручивается вакханалия. И дойдя до места, где заканчивались человеки и живность, повернулся и зашагал в противоположном направлении, глядя под

ноги, словно что-то обронил, но не знает, где искать пропажу. Так продолжалось, пока небо и песок не потемнели.

* * *

Настала пора ужинать. Он сидел за столом.

— Ты припозднился, — сказала жена. — Мне пришлось спуститься одной. Я ужасно проголодалась.

— Все в порядке, — заверил он.

— Как прогулка? — полюбопытствовала она.

— Ничего особенного, — ответил он.

— Неважно выглядишь, Джордж. Ты далеко заплыл и чуть не утонул? Так? Видно же по твоему лицу. Признайся, ты далеко заплыл?

— Да, — признался он.

— Ладно, — процедила она, пристально глядя на него. — Чтоб это было в последний раз. Так... что будешь есть?

Он взял меню и принялся читать. Потом вдруг оторвался от чтения.

— В чем дело? — поинтересовалась жена.

Он повернул голову и на миг смежил веки.

— Прислушайся.

Она затихла.

— Ничего не слышу, — сказала она.

— Неужели?

— Нет. А что там?

— Просто прилив, — сказал он, помолчав, сидя с закрытыми глазами. — Просто начинается прилив.